

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

УП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН
(КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы

1971

Ecclesiastica Евсевия Кесарийского, созданной в конце первой трети IV в. Делались попытки установить взаимосвязь версии легенды, изложенной Евсевием Кесарийским (греческий текст), и сирийского варианта из "Учения Аддая". Так, некоторые текстологические сопоставления были выполнены немецким ученым Р.Липсиусом (*Die Edessenische Abgar-Sage. Braunschweig, 1880*).

"Церковная история" Евсевия Кесарийского в конце IV в. была переведена на сирийский язык. Наличие этого перевода дает возможность провести двойное сопоставление – сравнить греческий оригинал "Истории" и сирийскую его интерпретацию, а последнюю, в свою очередь, – с версией легенды, изложенной в "Учении Аддая".

Сопоставление сирийского перевода "Истории" Евсевия с текстом "Учения Аддая" показывает, что в переводе не нашли отражения некоторые характерные эпизоды. Так, в нем не содержится весьма существенного упоминания об обещании Авгару сделать город Эдессу неприступным для врагов. Этот отрывок занимает исключительно важное место в "Учении Аддая" и нашел широкий отклик в сирийской литературе близкого и последующего времени. Трудно предположить, что переводчик, будь он знаком с "Учением Аддая", воздержался бы от упоминания о данном факте. Отсутствие этих эпизодов позволяет предположить, что окончательный текст легенды сложился уже в то время, когда существовал перевод "Истории" Евсевия на сирийский язык, т.е. на рубеже IV–V веков.

Ж.С.Мусаэлян

ТЕМАТИКА КУРДСКИХ НАРОДНЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН

Собирание курдских лирических песен велось параллельно с собиранием других жанров курдского фольклора.

Хотя записи песен делались учеными, начиная с середины XIX в., но они не подвергались специальному изучению. На основе большого материала, собранного известным советским курдоведом А.Джинди и курдским ученым М.Мукри, можно проследить следующие темы, содержащиеся в курдской лирике.

В курдской народной лирической песне прошлого редко поется о счастливой любви; во многих песнях влюбленные жалуется на препятствия, создаваемые их браку. Родители, не считаясь с их

желаниями, решают вопрос о замужестве дочери, не выдают девушку за любимого, запрещают ей любить избранника, не разрешают встречаться с ним. Судьба юноши также зависела от старших, и он не мог жениться по любви из-за бедности или социального неравенства.

Единственное спасение от брака с нелюбимым – похищение, которое может коренным образом изменить судьбу юной курдянки.

Посватай меня у родителей,

Если отдадут, – хорошо,

Не отдадут, похить меня (Ф.К., 372).

Однако мечты влюбленных сбываются очень редко.

Особое место в песнях занимает клятва верности. Девушка клянется всю жизнь любить своего милого.

Если тебе будет сто тридцать лет,

А мне – сто пятьдесят,

/Все равно свое/ лицо с родинкой я вновь
приблужу к /твоим/ устам (Ф.К., 388).

Юноша дает зарок – если он не женится на любимой, то не женится ни на ком другом, пока будет жить на земле.

Измена – величайшее горе. Девушка горько упрекает своего возлюбленного, нарушившего слово; юноша сетует на лживые женские обещания: любимая клялась выйти за него замуж, но не сдержала слова.

Большую группу составляют песни, рассказывающие о разлуке влюбленных, обычно связанной с отъездом юноши на чужбину. Такие песни пронизаны чувством тоски по родине, привязанностью к родной земле.

До каких пор буду сидеть под тенью ивы,

До каких пор буду терпеть муки чужбины

(М., № 252).

Юноша тяжело переживает не только разлуку с любимой и родными, особенно тяготит его оторванность от родины – Курдистана. Покидая родные края, юноша обещает хранить верность, просит возлюбленную не забывать его, пока он находится в чужой стране. Тоскующая по любимому девушка остается ему верна.

Вот уже семь лет, как жду тебя (Ф.К., 401).

Во многих песнях звучит безысходность, неосуществленность мечты влюбленных, в других – проходит тема одиночества.

Увы, о горе, остался я один,

Моим жилищем стала разрушенная хижина
(М., № 120).

Юноша в одиночестве умирает в чужой стране от тоски по любимой, от разлуки, от несбыточности надежд.

Редко проходит тема возвращения с чужбины измученного странника.

В песнях затрагивается положение курдской женщины. Хотя по сравнению с другими женщинами Востока курдянка издавна пользовалась большей независимостью, однако в семье она не была совершенно свободна. Семейные песни раскрывают трагедию женщины, выданной замуж против ее воли. Обычно в них рассказывается о безрадостной судьбе красивой девушки, выданной замуж за старика, о презрении молодой жены к нелюбимому, постылому мужу. Остро переживается возрастное неравенство.

Не выдали за славного юношу,

Отдали гнусному мужу,

Не выдали за юношу - моего ровесника (Ф.К., 2II).

До конца своих дней курдянка не могла уже освободиться от тягостного брака. Даже если она любила другого, уйти от мужа по своей воле она не могла. Развод осуществлялся только по инициативе мужа, но он был "готов скорее умереть, но не дать развода".

В песнях слышится не только жалоба на жизненные невзгоды, но и протест. Героиня курдской песни не кроткая, безропотная, терпеливая страдалница, она борется и отстаивает свою любовь, ищет выход из невыносимого положения. "Прежняя любовь" постоянно воспевается в песнях. Воспоминание о любимом - святяня в жизни несчастной, насильственно выданной замуж женщины, она не забывает своего друга, мечтает о встрече с ним, надеется быть похищенной.

Юноша и после замужества девушки неотступно следует за ней. То он видит ее за прялкой, то наблюдает, как она несет воду из родника и молит бога, чтобы сломалось коромысло, и она задержалась на некоторое время, то просит любимую прийти к нему на свидание к источнику, горюет, что она досталась другому и стремится ее похитить.

Тема тайного свидания широко использована в народных песнях. Обычно свидание сопряжено с опасностью для обоих (их подкарауливает свекровь, теща). Однако примечательно, что безудержная, самоотверженная любовь курдянки отличает во многих случаях ее образ от ее нерешительного, бездеятельного избранника.

Таковы основные темы курдской лирической песни, выявленные

на сравнительно небольшом материале. Сбор новых песен и их дальнейшее изучение - дело будущего.

Тексты песен см.:

- Ф.К. - Folkloro kurtmanca. Bəgəv kətəp u hazəkətəp
H.Şəndi u Ə. Əvdal. Jerevan, 1936.
- Ф.К. - Фолклора кюрманцие. Ньвиси у хазьркьр Н°. Щьнди,
Ереван, 1957.
- М. - M.Mokri, Kurdish songs. With transliteration, Persian
translation and Glossary. Tehran, 1951.

С.Л.Невелева

О ПОНЯТИИ ФУНКЦИИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ОПИСАНИЮ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПЕРВОГО ПОРЯДКА (БОГОВ).

1. Понятием функции (мифологической функции) обозначаем ту идейную нагрузку, которая выделяет данную мифологическую единицу в системе других. Конкретно под функцией персонажа или реалии подразумеваем характерную, определяющую черту образа, его символизм (напр., гандхарвы - небесные певцы и музыканты, Яма - бог смерти и правосудия, Гаруда - царь птиц и символ Вишну, Нандана - "Приют блаженства", небесная роща).

2. Рассматривая мифологический персонаж (или реалию) как единицу мифологической системы, следует оговорить не абсолютный в применении к каждому случаю характер выдвигаемых этапов описания.

3. Одним из начальных моментов исследования следует, очевидно, признать выявление персонификации, определение того, что именно - какое явление или идею - олицетворяет собой данный персонаж (Яма - бог смерти, Брахма - творческая энергия, активность). Отметим при этом, что персонификация того или иного явления (идеи), если не совпадает полностью, то соотносится как часть с целым с мифологической функцией лица или разряда (Вишвакарман - олицетворение идеи небесного созидания в конкретной форме зодчего; ракшасы - разновидность сил зла, но их мифологическая функция шире - они еще и "хранители", например, при Кубере).